

**Екатерина
Беляева - Чернышёва**

**Давай говорить
за себя**

Екатерина Беляева-Чернышёва

Давай говорить за себя

«Издательские решения»

Беляева-Чернышёва Е.

Давай говорить за себя / Е. Беляева-Чернышёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837116-5

«Давай говорить за себя» — книга стихов, включающая произведения разных лет и периодов. Ранние и детские опыты даны отдельным разделом. Не будучи сильными с технической стороны они, тем не менее, дают ощущение перспективы и интересны как вехи творческого становления автора.

ISBN 978-5-44-837116-5

© Беляева-Чернышёва Е.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРОМ И ТУШЬЮ	7
«Господи! Небо твоё падает мне на плечи...»	8
«Все листья помнить наизусть...»	9
«Время сместилось. Захлопнулось. Значит ...»	10
«То ли «нет», то ли «да...»	11
«Ветром память налетела ...»	12
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ «Я»	13
СКУПОЙ РЫЦАРЬ	14
«От вокзала до вокзала...»	15
«Она проснулась. Отрешённо...»	16
«Как влага сквозь песок, песок – сквозь пальцы ...»	17
«Города – измеренья разные...»	18
«А воспоминанья – закрытые двери...»	19
«Что-то сбилось. Боль остра...»	20
«Мне тридцать... Игра, право слово, не боле...»	21
2000	22
«То случай иль крыло упруго...»	23
«Ни о чём не попрошу...»	24
«Нам расстоянье не даёт поблажки...»	25
ПОПЫТКА ПОРТРЕТА	26
«Погоди до рассвета, дверей не тронь...»	27
«Вторник, ветер, поздний вечер...»	28
«Быть может, мы станем мудрее и старше...»	29
«Что мне делать, вдали ожидая тебя?...»	30
«Мне не понять, не разложить...»	31
«Дожди, дожди – а я не замечаю...»	32
«Прощай, моё прошлое. Мы не увидимся боле...»	33
«Как путник, очутившись ночью в чаще...»	34
«Мы свято верим в силу трюка...»	35
«На веки вечные. Отныне...»	36
«Казанская кухня. Полпятого ночи...»	37
ФИНАЛ	38
«Жарко. Еле слышный ветерок...»	39
«Кто что скажет – всё неважно...»	40
«То время тяжело далось...»	41
«Всегда проездом. Что сказать...»	42
«Луна ли, осень или просто...»	43
«Мы встретимся, когда не ожидаешь...»	44
«Электрички...»	45
«Странно: я не чувствую разлуки...»	46
«Кончилось лето. Дожди разбежались...»	47
«Не сошлось. Не срослось. Не осталось...»	48
«Бурьяна запах душный, прелый...»	49
«Чёрное – белое. Холод – жара...»	50
ВОЛНА	51
«Стихи пришли. И вдруг молчанье...»	52

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Давай говорить за себя

Екатерина Беляева-Чернышёва

Посвящается родителям, которые научили меня быть счастливой и даже когда плохо, видеть красоту, – в человеке, слове, дереве, просто под ногами – а главное, дали непреложную уверенность, что вот этот сложный, разный, больно́й мир – прекрасен. Не смотря ни на что.

Папиной доброте и щедрости, преданности слову поэтическому.

Маминой мудрости, оптимизму и умению вдохновлять.

С любовью и благодарностью.

- © Екатерина Беляева-Чернышёва, 2017
- © Екатерина Николаевна Беляева-Чернышёва, дизайн обложки, 2017
- © Екатерина Николаевна Беляева-Чернышёва, фотографии, 2017
- © Сергей Сергеевич Яковлев, фотографии, 2017
- © Екатерина Николаевна Беляева-Чернышёва, иллюстрации, 2017

Редактор Сергей Сергеевич Яковлев
Корректор Евгения Геннадиевна Якимова

ISBN 978-5-4483-7116-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРОМ И ТУШЬЮ

«Господи! Небо твоё падает мне на плечи...»

Господи! Небо твоё падает мне на плечи.
Время твоё рекой сквозь меня сочится.
Страшно мне, Господи! – нет у меня ответов;
вольно мне, Господи, жить меж твоих вопросов.

Я раскрываю двери и переплёты
книг в опустевших залах библиотечных.
В окна врывается резвое молодое
солнце весеннее песней о жизни вечной.

Полно, зачем? Мне довольно и этих веток,
и голосов осеннего расставанья,
не заменить безвременью и бессмертью
кратких минут осторожных прикосновений.

Славься же, время – текучее и живое,
фениксом возгорающее из смерти,
ткущее неустанно шаги и песни,
землю и небо, память и нас с тобою.

2016

«Все листья помнить наизусть...»

Все листья помнить наизусть,
чтоб помянуть в последней тризне.
Я никогда не научусь
науке этой странной – жизни.

Какая дьявольская смесь,
неразрешимая задача:
играть в немислимое «здесь»,
где правил – честность и удача.

Да, твой рассчитанный прицел
верней – но всё-таки не надо,
нелепость – это мой удел,
так это будет и награда.

Всё ближе горе, у дверей,
длиннее и пустынной вёрсты.
И ночь от ночи – холодней.
И жизнь – острей. И ярче звёзды.

2001

«Время сместилось. Захлопнулось. Значит ...»

Время сместилось. Захлопнулось. Значит —
о́тжито. Прошлого больше не будет.
Я затеряюсь (простая задача),
яблочным семечком лёжа на блюде.

Прошое пожрано – и не исправить,
а настоящее – воздух без края.
Кто я сегодня – начало иль память,
саженец или кожурка пустая?

Мелкий дичок, единица отсева,
семечко – всё-таки что я такое —
бывшее яблоко или же древо,
ждущее жизни? Ни то, ни другое.

Не было – равно и после не буду.
Остро, до шкурки, до одури чую:
рядом – и всё же лишь в эту минуту
краткую – именно я существую.

Знаю: земля равномерно укроет
(что мне до существованья иного?) —
если решу, что оно ещё стоит,
стоит попытки попробовать снова.

2007

«То ли «нет», то ли «да...»

То ли «нет», то ли «да».
Синеватая наледь.
Вот и всё. Холода.
Ничего не исправить.

Ты не то, чтобы лишний,
но грустит у перрона
поезд в Нижний —
всего-то четыре вагона.

Гам. Дымит самокрутка.
(Ночи сумрачно лунны.)
Отъезжает маршрутка
до Парижской коммуны.

Перевозчиков прыть,
с багажом суматоха...
Я стараюсь не быть.
Получается плохо.

И гудки говорят
даже слишком понятно.
Холода. Снегопад.
К декабрю, вероятно.

2006

«Ветром память налетела ...»

Ветром память налетела —
время вспять.
Может, я и не хотела,
но опять:
«От карающей десницы
не уйдёшь».
Это небо, эти птицы,
этот дождь.
Обнажённость – ненароком,
как во сне,
словно небо это с Богом
наравне.
Не придумать оправданья,
не солгать.
Можно просто жизнь, как знание,
принимать.
Вот он – мир на жёлтом блюде
сентября.
Не изменишь, не забудешь
и не зря
ускользающих мгновений
не вернёшь.
Только память, только небо,
только дождь.

2001

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ «Я»

Я люблю кого-то, кого – не знаю.
Почему-то все думают, что мне больно.
Отчего? Ведь это совсем неправда,
это просто счастье до боли сильно.

Просто я по проспектам и переулкам
прохожу, стекая к трамвайным рельсам;
я не знаю, как можно идти куда-то
и не видеть, какое над нами небо.

Я боюсь стабильности и гарантий,
не из ложной гордости, а по дури.
Мне бы тоже хотелось нормальной жизни,
только я не умею с ней обращаться.

Я привыкла весело жить и глупо,
загоняя в угол себя, до жути,
закрывая глаза. Но потом вставая,
выбираясь – как, до сих пор не помню.

Я росла на зыбкости мироздания,
мне уютно в изменчивости условий,
может быть, с годами придёт иное
и придётся заново жить учиться.

Но пока ещё жить – это значит ехать,
поражаясь различию лиц и судеб,
наслаждаясь скоростью ровной трассы
да считая ухабы дорог грунтовых.

Я срываюсь вниз. Я взлетаю в небо.
Мне не страшно разбиться; ведь после смерти
тоже будет что-нибудь; это точно.
Неизменен принцип существованья.
Бесконечна дорога под этим небом.

2005

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

До дыр зачитанная пьеса —
а всё увидеть не с руки:
старик-скупец и сын-повеса
так удивительно близки.
И тем трудней вражде уняться,
что сын копирует отца —
со страстью равною боятся
что бедности, что мотовства.
Себе не смея в том признаться,
негодованием горя —
они и любят, и гордятся
друг другом – тайно, втихаря.
Гнев монологов их полночных,
их душ смятенных естество —
двух крайностей равно порочных
непримиримое родство.

2001

«От вокзала до вокзала...»

От вокзала до вокзала,
с вечера до дня —
рельса, рельса, шпала, шпала —
вертится земля.
Ночь да лёд с огнём и ветром,
кобальт и базальт.
Нежно-персиковым светом
светится асфальт.

Поезд наш вот-вот прибудет,
через пару лет.
Сволочные это люди —
Мастера Судеб.
В поднебесье лики строги,
только мы – ничьи.
По деревьям вдоль дороги
трауром – грачи.

Милосердный, невозможный,
высший судия,
путь мой железнодорожный —
песенка моя.
Жизнь прекрасна, словно осень,
донельзя остра,
вот сейчас мы грянем оземь
с первого моста.

2002

«Она проснулась. Отрешённо...»

Она проснулась. Отрешённо,
бездумно-счастлива, легка —
как в детстве. Вышла, щурясь сонно,
и замерла у косяка.
Он. Он светильник синий чинит,
и канифолью дом пропах,
паяльник выключенный стынет,
слой изоленды в проводах
ложится кольцами оплётки.
Спокоен, точен каждый взмах,
как и движения отвёртки
в его уверенных руках.
И нежностью, и счастьем дивно
переполняет существо,
она молчит и неотрывно
с улыбкой смотрит на него.
Она сегодня уезжает.
Но это вечером, потом.
Пока – суббота, утро, счастье,
теплом весны прогретый дом.

2000

«Как влага сквозь песок, песок – сквозь пальцы ...»

Как влага сквозь песок, песок – сквозь пальцы —
неумолимо. Так проходит время.
И наступает давящая полночь —
безвременье проснувшихся сомнений,
настырной птицы – жалобной тревоги,
переходящей в безотчётный страх.

Мне холодно. Озябшее молчанье
лежит на покосившихся ступенях,
на стёртом камне, позабывшем имя
своей земли. И ночь не отвечает
на хрупкую незаданность вопросов;
и только тени ходят осторожно,
раскачиваясь в круге фонаря.

Так дни проходят; так проходят жизни;
так вечность замыкается в колечки;
так имена срываются, как листья,
в осенний упоительный рисунок,
чтобы кружиться, падать, исчезая,
предпочитая быть игрушкой ветра,
чем позолотой, впаянной в гранит.

А где-то там, за третьим переулком,
опять рассвет – другое измеренье.
Когда бы только собственная смертность
подмигивала нам из подворотни!
Но снова, снова имена ушедших
летят ночной молитвой с наших губ.

2003

«Города – измерения разные...»

Города – измерения разные,
на вокзалах слова бессвязные
(но бессмысленны все слова).
Не сказать, что большая разница,
только память как будто дразнится
и как будто опять права.
«Через семь минут отправляется...»
Как не вовремя вспоминаются
голоса и глаза друзей!
Полка верхняя – как спасение
от проклятого невезения,
от нелепости жизни всей.
Каждый раз уезжая замертво,
каждый раз умирая заново,
глупо прятаться в суете
от ветров холодного посвиста.
Я люблю движение поезда,
потому что оно – нигде.

2000

«А воспоминанья – закрытые двери...»

А воспоминанья – закрытые двери,
и если забыты, то не достучаться.
Молчи, в кулаке зажимая потери,
сейчас подходящее время прощаться.

Сейчас, когда солнце пошло на убыток
и птицы трещат о весне предстоящей,
весьма подходящее время для пыток,
для судорог памяти, грусти щемящей.

Мы слишком надолго исчезли из вида
(пусть сняты засовы, но не постучится),
молчанье больней, чем любая обида.
Я тоже хочу забывать научиться!

Я тоже хочу растворяться неслышно,
пусть двери мои бутафорские стынут,
пусть летние тучи вздымаются пышно,
сбиваются в стаи и ливнями хлынут.

Пусть грома раскат напугает до дрожи,
так дрогнут на брус налетевшие дроги.
Но как ты был дорог мне! Пусто. О боже,
как пусто теперь без тебя на пороге!

2008

«Что-то сбилось. Боль остра...»

Что-то сбилось. Боль остра,
радость ярка, но напрасно —
и насмешливы ветра,
и сама я безучастна.

День глядит – и тает снег
на лице его клыкастом.
Этот снег и этот век
надо мною тяжким настом.

Зазеваешься – и вдруг
нарушается засека;
пустота кружит вокруг,
поглощая человека.

Ухмыляется в лицо,
жадно руки потирает:
десять дней – уже кольцо,
каждый час его сжимает.

Воля спит, но мстится: рвусь
из оков, по-волчьи воя...
Может быть, ещё вернусь,
если вспомню, для чего я.

2011

«Мне тридцать... Игра, право слово, не боле...»

Мне тридцать... Игра, право слово, не боле.
Я девочка, женщина, ветер на воле.
Внезапная блажь, потаённое зелье —
ещё на губах не застыло веселье —

но я уже знаю, что скоро поманит
иное, что прошлое плотно затянет
туманом. И скрипнут протяжно ворота;
я стану лишь временем, точкой отсчёта...

Мне скоро прибиться, прижаться к коленям —
и я ещё верю случайным мгновеньям,
но втайне уже начинаю прощаться
и медленно, необратимо меняться.

2009

2000

В этой дате много места,
пустоты, в ней как-то стыло.
В предыдущей было тесно,
но уж чувствовалось – было!

Там как в комнате – забитой,
но уютной, здесь – как в зале,
на платформе непокрытой,
на пустом ночном вокзале.

Но вдохнуть ночную свежесть,
но проснуться – не помеха,
здесь такой простор! И нежность
затишающего смеха...

Здесь уже иная мера,
всё восполнится когда-то,
и неверие, и – вера
в нереальность этой даты.

2

А на заре ты выйдешь за порог
в тот день, когда январь едва родился.
Округлость даты будет как итог,
и ты поймёшь, что мир – преобразился.

И станет удивительно легко,
и всё на свете будто бы впервые —
и снег, и лес, что очень далеко,
и слово тихое «Россия».

2000

«То случай иль крыло упруго...»

То случай иль крыло упруго
над ними демон распростёр:
они смотрели друг на друга
через костёр.

Был жар земной и мрак небесный
(«Не смей, не говори, не стронь...»)
Им оставался шаг до песни —
через огонь.

И этот шаг, из ниоткуда,
всех стоил пройденных шагов,
и так легко творилось чудо
без лишних слов.

Вокруг происходило что-то,
но мимо шло, поверх голов.
Миг оставался до полёта —
через любовь.

Что было до и даже после
очерченного тьмою дня?..
Но до сих пор в их взглядах ответ
того вечернего огня.

2002

«Ни о чём не попрошу...»

Ни о чём не попрошу.
Ты добрее, старше, лучше...
Здравствуй. Я тебе пишу
оттого, что снег всё гуще
загораживает свет.
Он белит свои уголья,
и меня почти что нет
на пороге новогодья.
А стекло как рябью – льдом.
Тень дрожит в пустом вагоне,
и снежинки за окном
чуть не в пол моей ладони.
Звонкий рельсовый оскал
да усмешка семафора.
И летит моя тоска
в ночь, задёрнутую шторой.
Ще'мит сердце. Как впотьмах,
среди твоих блуждаю строчек.
В напечатанных словах
всё равно проступит почерк.
Сон – последнее звено
и последняя отрада,
да твоё горит окно
за стеною снегопада.

2006

«Нам расстоянье не даёт поблажки...»

Нам расстоянье не даёт поблажки,
простейшие дела не отпускают,
но вдруг – острее всего – в паденье чашки
увиду, как тебя мне не хватает.

Я рвусь из этих пут, но каждый вечер
неумолимо разбиваюсь насмерть
о ту глухую невозможность встречи,
как с поезда летящего – о насыпь.

2000

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Детский почерк, взрослый росчерк
и осколками стихи.
Сколько чистых, ясных строчек
начиналось с чепухи!

(То с ореховой скорлупки,
то от искры-уголька.)
Шли слова. Дымились трубки.
Длилась ночь, некоротка.

Прав – не прав – не в этом дело;
оставаясь при своём,
как прощать она умела
в споре яростном любом!

Это щедрость: верить слепо,
за своих бросаться в бой.
Так слаба. Чуть-чуть нелепа.
Улыбаясь над собой...
И повтором многократным
тема стужи и огня...
Просто долгом неоплатным
стало больше у меня.

2002

«Погоди до рассвета, дверей не тронь...»

Погоди до рассвета, дверей не тронь.
Провожать – наука не из простых.
Выйти ночью в снег, да раскрыть ладонь,
да всё слушать шаг, что давно затих.

Сонный ход времён – часовой тик-так,
половицы жёлтой спросонья взвизг.
Как тяжёл этот первый, последний шаг!
Погоди до рассвета! – и шёпот сник.

А за дверью мир затаённо-бел.
Не спасёт ни стена, ни глухой засов.
Провожать – наука для тех, кто смел.
Неподвижны стрелки твоих часов.

2001

«Вторник, ветер, поздний вечер...»

Вторник, ветер, поздний вечер.

Пасторальная картинка.

Мы сидим у батареи, затаившись в ожиданье.

Даже дети, набесившись за день, тихо смотрят в окна.

У кота от нетерпенья ус подрагивает мелко.

Кот ждёт рыбы. Дети – снега, а ещё луну и папу.

Сон сморит их очень скоро. Кот дожждётся. Я вздыхаю.

Положу остывшей рыбы, отнесу детей в кровати,

встречу папу.

Спите, спите. Все исполнятся желанья.

Город скроет снежной пеной,

в белых, синих, лиловатых волнах будут плавать рыбы,

папа вам луну достанет – прямо с неба...

Только в зимний вечер мир так бесконечен.

2012

«Быть может, мы станем мудрее и старше...»

Быть может, мы станем мудрее и старше
и вспомним с улыбкой насмешливой это,
быть может, откликнется болью вчерашней
сегодня прошедшее праздником лето.

Но в это мгновенье, дремотной природе,
безмолвию, жаркому солнцу внимая,
никак не поверить во что-нибудь вроде
декабрьских дней, где позёмка сухая.

Никак не поверить, что вольное племя
ветров изготовилось к дикой погоне.
Сегодня не верится в самое время,
застывшее каплей смолы на ладони.

2001

«Что мне делать, вдали ожидая тебя?..»

Что мне делать, вдали ожидая тебя?
Слушать осень, безмолвие, шорох листа.
Тёмной шерстью мохнатой распутывать дни,
колдовать гулкой ночью, волосы распустив.

Что мне делать, вдали ожидая тебя?
Вызнавать тайны города, ночи и дня
да ещё на закат вечерами смотреть,
плечи кутая в толстую дымную шаль.

Что мне делать? Не бойся, я дело найду.
Ожидать— это самый пленительный труд.
Только б ты в своей непостижимой дали
не ошибся дорогой, свернув в никуда.

2002

«Мне не понять, не разложить...»

Мне не понять, не разложить,
не разобрать на междометья
переплетённые соцветья,
врастающие в слово «быть».
Густой осенней темнотой
прохлада кутает скитальца,
но ускользает, как сквозь пальцы,
в изгибы вечности живой.

Сливаясь с голосом травы,
в мою судьбу в ночи короткой
любовь вплетается походкой
и поворотом головы.
Её души мне не понять,
она предельно осторожна —
но ей перечить невозможно,
как не заметить или лгать.

Непонимание и страх
ещё не повод для сомненья —
но видеть это изумленье
в чужих распахнутых глазах! —
но этот, ветками в стекло,
извне, иной миропорядок
в неточной близости догадок:
что было, так и не прошло.

Мне не понять – но разве я
решаю, кто кого обманет,
и кто однажды первым канет
за тёплый полог бытия.

2003

«Дожди, дожди – а я не замечаю...»

Дожди, дожди – а я не замечаю,
что это лето дразнит, как ребёнок
капризами. Зато его улыбка
полна такого милого лукавства,
так безыскусен сон его глубокий
и так бескрайни душевные луга!
А каждый дождь звучит напоминаньем
о том, что непременно нужно слышать,
как падают на землю эти капли
(и каждая, впитавшись, ищет корни),
как падают на землю эти листья
(когда их не поймают на ладошку),
как взгляды солнца падают на землю
(когда её не закрывает небо),
как непременно, в свой черёд, не раньше,
и мы однажды – в тишину.
(Когда?..)

2004

«Прощай, моё прошлое. Мы не увидимся боле...»

Прощай, моё прошлое. Мы не увидимся боле.
Я нищая нынче – лохмотья и те не мои.
Вокруг ни души. Помертвелое голое поле,
от холода сизые сирые комья земли.

Всё вымерло. Лишь надо мною линиялое небо,
холодные краски чужих обветшалых знамён.
Ни детства, ни города. Пали последние скрепы,
рассыпались звуки последних забытых имён.

Напрасное в пашню промёрзшую падает семя.
В бессильной тоске оглянись у последней межи.
Но только родители неотделимы, как время, —
и, значит, мои не скудеют пока багажи.

2008

«Как путник, очутившись ночью в чаще...»

Л.К.

Как путник, очутившись ночью в чаще,
упрямо продолжает помнить день,
тебя я вспоминаю. И всё чаще,
оглядываясь, вижу твою тень.
Но мне светло. Всевышних не гневлю,
мольбами докучая им изрядно.
Я не люблю тебя, но больше чем люблю,
что вдалеке особенно понятно.

1999

«Мы свято верим в силу трюка...»

Мы свято верим в силу трюка,
что нас способен защитить.
Обман! Блаженная наука
немного недоговорить.

Неточности почти случайны,
но упоительно-легко
свои спасительные тайны
запрятать так неглубоко.

Совсем чуть-чуть переиначить,
чтоб отвести глаза молве,
и ничего уже не значить —
как будто – в собственной судьбе.

И все слова – как будто мимо,
в обход побед, в обход мольбы.
Как мы сейчас неуязвимы!
Как мы довольны! Как слабы!

2001

«На веки вечные. Отныне...»

Йеннифер, хотя дело не в ней

«На веки вечные. Отныне.
Иди, скитаясь по земле».
За что тебя – приговорили
на веки вечные ко мне?

Мои слова сплелись с твоими,
как руки в нежности одной.
За что меня – вознаградили
на веки вечные – тобой?

Соблазн – осеннею порою
поддаться сладостной волшбе,
уйти в туман. Но что я стою,
когда не помню о тебе?

Когда пристойно и по плану,
и всё быстрее скользят года, —
кто мне ответит, чем я стану,
что мне останется тогда?

Мы дальше, дальше. Что в итоге?
Наш путь и счастлив, и нелеп.
Всё крепче связаны дороги
по воле Мастера Судеб.

И что бы ни было, отныне
я предрекаю свой исход:
твоё шепну с улыбкой имя,
пересекая Лету вброд.

2002

«Казанская кухня. Полпятого ночи...»

Казанская кухня. Полпятого ночи.
Привычна давно за окном темнота.
Сидим мы с собакой, отбившись от прочих,
и жизнь непонятна, хотя и проста.

А грязной посуды навалены горы,
все спят, я её перемою потом.
Молчанье. Шуршат тараканы, как воры,
да пёс шевелит еле-еле хвостом.

...Почти уже шесть. Понемногу светает.
(Но улицы вроде пока что пусты).
Твой пёс, распластавшись, глаза прикрывает,
а в этих глазах отражаешься ты.

Светло, хорошо на душе, чуть печально,
твой голос ещё отдаётся во мне.
Ты спишь за стеной. Твоё слышу дыханье.
И вижу я сонный твой профиль во тьме.

1999

ФИНАЛ

Чёрными каплями падает яд,
чёрные птицы над пашней летят,
чёрной дорогою стелется пыль,
снова и снова сбывается быль.

Жесты знакомы, рисунок бровей,
небо расчертят изломы ветвей.
Пальцы не дрогнут, но хладны, как лёд.
Все предсказания – в круговорот.

Ворот, воронка, крушенье и крошево,
даже в финале не будет хорошего.
Жёсткая корка, сухой переплёт;
жанром предписан суровый исход.

Ну а герои, предсмертно хрипящие, —
будем же взрослыми! – ненастоящие.
Был бы сюжет и словарный запас...
Только обломки придавят и нас.

Мы, рисовавшие жизнь как градацию,
сможем сполна оценить кульминацию.
И очевидность проглянет из тьмы:
боги-создатели – это не мы.

В руны сойдутся изломы веков.
Необъяснимы причуды богов.
Ночь, расколовшись, сверкнёт, как сапфир;
за нами
ветвями
протянется мир.

2005

«Жарко. Еле слышный ветерок...»

Жарко. Еле слышный ветерок.
Пыль тихонько топчется на месте.
Что за счастье – посреди дорог
выбирать свою на перекрестье!

Всё молчит вокруг. Молчу и я.
Помолчи, послушай вместе с нами,
не пытайся эту тишину
разбивать натужными словами.

Всё и так понятно: травы, даль,
холод молока из гулкой крынки.
Чаша лета – золотой грааль,
путаные тонкие тропинки.

Где б ты ни был – распахни окно,
сон сметая на размахе жеста.
Столько счастья было нам дано —
остальному не осталось места.

2002

«Кто что скажет – всё неважно...»

Кто что скажет – всё неважно.
Знаешь, я живу однажды.
Нет пути назад.
Здесь в весеннем исступленьи
гроздь буйные сирени
рвутся в небо – и, конечно,
это искренней, чем вечный
дивный райский сад.

Быть кустом чертополоха —
слушай, разве так уж плохо?
Если ж там, где смерть,
ничего – совсем – не будет...
Что с того? Мы только люди,
нам ли сожалеть?

Дар короткий и бесценный,
жизнь была как откровенный
долгий разговор.
Ну а если не хватило —
значит, я жила вполсилы,
верен приговор.

Без оглядок и сомненья
принимаю продолженье
и конец пути —
как безумие растущих
дерзких короткоживущих
помнить и цвести.

2003

«То время тяжело далось...»

То время тяжело далось,
что ни беда – всё было мало,
и день пронизывал насквозь,
а ночь почти что добивала.
одна держала на плаву
любовь – неведомая сила.
А я любила жизнь свою,
твою – тем более любила.

Но было всё, и всё – зима,
и снег, и незакрытый ставень...
И жизнь – отмерена сполна,
и каждый час был жизни равен.

А мир, как будто незнаком,
сиял нездешней новизною...
Наш город синим февралём
плыл над спешащею толпою.

2002

«Всегда проездом. Что сказать...»

Всегда проездом. Что сказать,
небесный, Боже?
Но даже этого не ждать —
тоска изложет.

Всегда под вечер. Что ещё?
Иной ли доли?
Висок вжимается в плечо
почти до боли.

Лежать, страницами шуршать,
молчать дремотно.
Но утром надо уезжать —
бесповоротно.

И ни намёка – испокон, —
и ни ответа.
А ночь глядит через балкон
полоской света.

И ветви, и насквозь – луна,
первооснова,
и стоит эта тишина
любого слова.

2001

«Луна ли, осень или просто...»

Луна ли, осень или просто
тоска под горло... Как в бреду,
мимо старинного погоста
бреду и плачу на ходу
о тех, кого уже не встречу
и с кем ещё не разминусь,
о том, что здесь никто не вечен
и я однажды не проснусь,
но буду знать: немного значит
сталь окровавленных рапир;
и лишь любовью, не иначе —
я измеряю этот мир.

2009

«Мы встретимся, когда не ожидаешь...»

Мы встретимся, когда не ожидаешь,
в толпе, под морозящий мелкий дождь.
Другой, чужой, меня ты не узнаешь
в лицо и головы не повернёшь.

Когда бы там, в прошедшем, не запали
случайно в память несколько примет —
и я тебя узнала бы едва ли
теперь, по истечение стольких лет.

Так прожитое оседает пеной
холодной, нескончаемой тоски.
Идут года – и множат перемены,
и сединой ложатся на виски.

2008

«Электрички...»

Электрички
разлетаются воробьями с твоих вокзалов.
Здравствуй, город.
Ты опутан круго'м сетями, и современно
бьётся пульс твой,
не только стрелки передвигая
на переездах —
но в каждом атоме-человеке
жизнь тяготеет упрямо к преодоленью.

Люди передвигаются. Люди едут.
Шлют телеграммы. Включают электрочайник.
Не говоря уж о сотовых телефонах,
ну и конечно, куда же без интернета.

Тысячи мыслей, направленных в заповедь,
держат вернее, чем все провода на свете.
Город, стремящийся вырваться из окраин,
бдительно дремлет, покачивая плечами.

2005

«Странно: я не чувствую разлуки...»

Странно: я не чувствую разлуки,
будто не она в ночи зовёт;
медленно плывут слова и звуки,
и неспешен времени полёт.

Я не слышу крыл его, шуршащих
перьями тугими по щекам;
дни, свечей соцветия горящих,
недвижимый озаряют храм.

Я не ощущаю расстоянья,
тысяч километров тяжкий гнёт;
отчего-то лёд скупого знания
дальше мысли – к сердцу – не идёт.

Средь земли, застывшей во вселенной,
вдруг прервавшей свой незримый ход,
чувствую тебя лишь – неизменно,
слышу, как душа твоя живёт.

2003

«Кончилось лето. Дожди разбежались...»

Кончилось лето. Дожди разбежались
стайкой весёлых шумливых мальчишек.
Кончилось лето. Мы долго прощались,
слушая шелест иголок и шишек.

Здесь, среди сосен, в зелёном молчанье
мы вспоминали брусничные кочки,
звон комаров над палаткой, за чаем
с дымом костра невесомые строчки.

Мы вспоминали закаты над Волгой,
хвои опавшей волшебную вязь...
Сказка была удивительно долгой.
Лето окончилось. Жизнь началась.

1999

«Не сошлось. Не срослось. Не осталось...»

Не сошлось. Не срослось. Не осталось.
Но ведь – Господи! – и не ушло.
Не разбилось, не расплескалось
ледяное моё стекло.
На мгновение прислониться:
только капли бегут с руки.
(Ты по-прежнему будешь сниться...)
Как немыслимо далеки!
Как безудержно виноваты,
как бессильны перед судьбой.
Как же мы на земле когда-то
разминуться могли с тобой.

Не сошлось. Не срослось. Не осталось.
Никуда уже не уйдёт.
Я слепым паучком впаялась
в заколдованный звонкий лёд.

2002

«Бурьяна запах душный, прелый...»

Бурьяна запах душный, прелый;
туч раздобревших хоровод...
Тягучий август сладко-спелый,
как твой мучителен приход.

Закатов буйство, тишь рассветов
и глубина небес ночных —
а ты потерян меж ответов,
значений и теней немых.

Покоем полон мир до края,
лишь ты один томим тоской,
словно из внутреннего рая
был изгнан собственной рукой.

Но греет память: день настанет,
в срок мука вызреет твоя;
ладони тяжело оттянет
запретным плодом бытия.

2011

«Чёрное – белое. Холод – жара...»

Всем моим посвящается

Чёрное – белое. Холод – жара.
Вечно звучащее: «Надо. Пора».
Вечно-родное, летящее мимо.
Дверь закрывается – неотвратимо.
Верить – не верить, запомнить – забыть.
Это посмертное право – любить.

...Знаешь, любое прощание – смерть.
Не выходи за порог смотреть.
Просто ли видеть, как вдалеке
тает фигурка? Так на песке
белом прибрежном – тают следы,
так уплывают весенние льды,
так замерзают зимой в холода,
так забывают меня – навсегда.

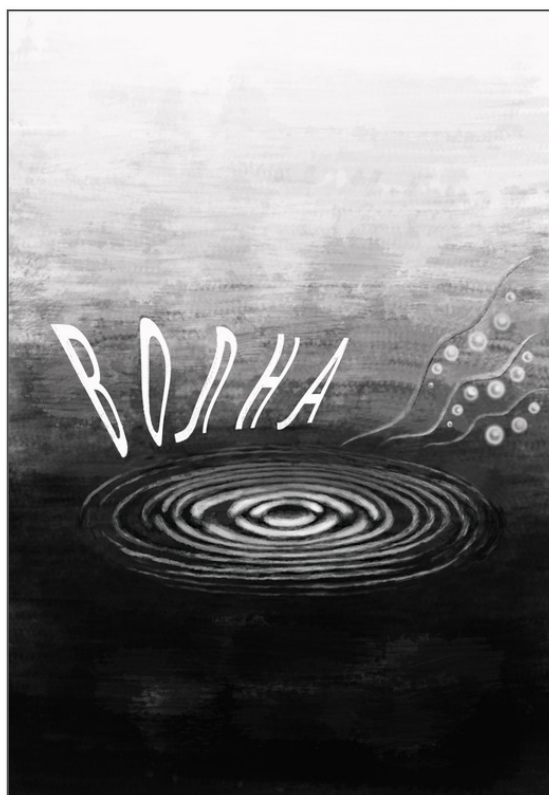
Время, я тоже училась жить.
Проще остаться, чем уходить.
Тупо, бессмысленно, глядя на пламя —
проще, чем так вот – своими руками!
Проще, чем, первым шагнув в пустоту,
крылья успеть отрастить на лету.

Многие я не постигла науки,
так не давалось забвение в руки.
Так зачастую я наперёд
знала откуда-то – не приведёт
встретиться снова придирчивый случай
(зная, что с кем-то не встретиться – лучше),
просто и радостно, трудно и сложно —
помнила – бережно, страстно, тревожно —
каждую каплю в мерцании вод,
каждую встречу и каждый уход.

...Что ты, ведь я не просила иного.
Жизнь моя, память, синее слово,
если б не это – я, падая вниз,
не захотела б, наверно, спастись.

2002

ВОЛНА

«Стихи пришли. И вдруг молчанье...»

Стихи пришли. И вдруг молчанье
прошедших дней – тяжёлый смог,
а их приход живым дыханьем
внезапно лёгкие обжѐг.

Живя забавами чудными,
не ждёшь, как манны, не зовёшь,
но лишь сейчас и только с ними
ты понимаешь, что живёшь.

Нащупав ритм, звучащий гулко,
ты настороженно весь день

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.